

Ирина Белобровцева

«Баловство»

«Сеня Шварцбанд» да «Сеня Шварцбанд» - то и дело звучало в рассказах двух дорогих мне людей – Владимира Самуиловича Белькинда и Федора Полиевктовича Федорова. Я уже столько о нем знала, что уже хотела и один (хотя бы раз) увидеть и сто раз услышать.

Увидела впервые мельком в Иерусалиме, веселого, раздающего себя налево и направо, разбегающегося ко всем щедрой душой, смешливого, острого на язык, но никого не обижающего, - осталось такое светлое впечатление, что когда увиделись лет двадцать спустя на конференции в Варшаве, я сразу потянулась к нему. Он и там был общителен, шутил, особенно насчет еды, которую мы никак не могли выбрать, перебрасывал шутки через стол, вовлекая в разговор всех-всех-всех. А потом мы шли в гостиницу, нас было двое, остальные пошли гулять в старый город, где мы побывали не раз в прошлые приезды, да и на этот раз, как раз перед ресторанчиком. И тогда я неожиданно увидела другого Сеню – что-то было в нем совсем невеселое, так что я решила взять эту легкость и эту шутливость на себя. Мне показалось, что отчаяние проглянуло в нем, и уже потом, какое-то время спустя, подумав об этом, я вдруг написала два стишка и отправила их ему с subject'ом «Баловство». Он откликнулся сразу, одним словом «спасибо», хотя в других письмах бывал куда более словоохотлив.

Вот они.

* * *

Нашупать нить, и потянуть,
и ненароком обнаружить
такую глубь, такую жуть,
касание летейской стужи,
слова твердеют на лету,
тогда, трезвея понемногу,
след-за-след мы найдем дорогу:
тут держит лед? а тут? а тут?
а вдруг растает? что тогда?

пропасть или пропасть – что там будет?
а тонкие пластинки льда
звенят и плаваются...

* * *

и кто ж для светских разговоров
такие темы находил,
чтоб после из последних сил
закрыть себя на сто запоров,
усмешку выплавить в испуг
и заслониться анекдотом,
и сердца боль, и сердца стук,
и передышка от чего-то,
и перепутались все лица,
все вживе или только снится